

Смена часовых поясов, решил Аксель, было самым худшим чувством.

Что ж, смена часовых поясов после нескольких бессонных дней работы над завершением проекта, презентация этого проекта, а затем немедленная отправка самолета домой в Германию с противоположного конца света, вероятно, сломала его ритм и развеяла их осколки по ветру, так что ему пришлось принять «самое худшее». Не говоря уже о том, что его уставший мозг, у которого как будто было короткое замыкание, скорее развалится, чем придумает более красноречивое возражение.

Он сопротивлялся желанию зевнуть в общей сложности, может быть, три секунды, а затем почти заснул, когда его мутные голубые глаза на мгновение закрылись. В последнее время сна не хватало. На самом деле, его в принципе не существовало во время полета, поскольку он застрял среди переполненной энтузиазма японской туристической группы, которой, по-видимому, не нужно было спать. Таким образом, Аксель имел сомнительную честь провести большую часть полета, отвечая на настоящий шквал вопросов о Европе, Германии и Мюнхене, в частности, на языке, с которым он был знаком всего на две ступени выше. Как эта настойчивая толпа смогла заметить в нем достаточно черт, чтобы правильно определить, что он немец, но ускользнуть от его очевидной усталости и попыток уклониться от разговора, было выше его понимания.

Он просто не мог, хоть убей, заставить их заткнуться!

И он пытался. Вернее, несколько раз. Некоторые из его более поздних попыток были почти откровенно грубыми, но все безуспешны.

Оглядываясь назад, он действительно должен был просто притвориться, что совсем не понимает по-японски. Жаль, что он не подумал об этом в то время.

Ничего против японцев в целом он конечно не имел. Аксель только что провел последние несколько месяцев в их стране по работе, не говоря уже о том времени, которое он потратил на изучение языка, достаточное для того, чтобы хотя бы наполовину прилично понимать язык. Но прямо сейчас, оглядываясь назад на полет, когда он стоит в головокружительном недосыпе в зоне выдачи багажа в аэропорту среди неудобно плотной толпы и все еще по крайней мере в часе от комфортной собственной кровати, ну... он не чувствовал себя очень снисходительным по отношению к ним.

Снова зевнув, Аксель провел рукой по своим коротким светло-соломенным волосам и попытался стереть сон с лица. Это не сработало. В следующий раз, пообещал он себе, не рассчитывать на сон во время долгого перелета. И, поскольку он думал об этом, вероятно, не лучший выбор, чтобы тянуть всю ночь прямо перед этим. Он понятия не имел, почему он вообще подумал, что это хорошая идея.

Поправляя лямки своего рюкзака и расправляя плечи, он чувствовал себя несколько более устойчиво на ногах, хотя, вероятно, это было просто принятие желаемого за действительное: мир, казалось, все еще вращался, когда он двигался слишком быстро. Если он выглядел так плохо, как себя чувствовал... Что ж, судя по состоянию его шарфа, выжатого и сморщенного после многочасовой возни с ним во время разговоров с возбужденными туристами, он, вероятно, выглядел чуть меньше «ходячего трупа». На этой ноте он посмотрел на ближайший торговый автомат; возможно, он мог бы купить что-нибудь с кофеином, чтобы попытаться воскресить себя, лишенного сна.

Но нет, как бы он ни хотел еще один всплеск искусственной энергии, это определенно была бы

не лучшая идея. Полных 24 часов работы на химикатах уже более чем достаточно.

Он прервал свои размышления, когда, наконец, заметил свой чемодан за поворотом на багажной карусели, схватился за ближайшую ручку, чтобы поднять его, и, наконец, направился к выходу.

Аксель вышел из терминала и направился к менее загруженной части вестибюля, оглядываясь по сторонам и осознавая тот факт, что он наконец-то вернулся в Мюнхен (даже если только в его аэропорт). Потолок изгибался над головой, полуденный свет струился сквозь его прозрачные стеклянные панели. Он купался в нем на мгновение — и он надеялся, что это было всего лишь мгновение, и он не стоял там, как дурак, несколько минут подряд, — прежде чем неохотно отвернуться от великолепного, почти теплого солнца. В его защиту, прошедшая неделя не оставила времени, чтобы просто побыть в тишине.

Пробираясь сквозь остальную ожидающую толпу к эскалатору, спускающемуся к платформе скоростной железной дороги, он вздохнул в изнеможении. Затем его сумка за что-то зацепилась, и ему пришлось вытаскивать ее, из-за чего он чуть не упал с лестницы. Вздох сменился бормотанием.

Оказавшись в безопасности на эскалаторе, он воспользовался случаем, чтобы просто остановиться и послушать, как интерком объявил о прибывающих поездах. Слышать, как кто-то, кроме него самого, говорит по-немецки с самим собой в случаях крайнего раздражения, было гораздо большим утешением, чем он ожидал. Аксель не мог не улыбнуться тому факту, что впервые за столько месяцев он вернулся в свою родную страну и всего в нескольких минутах езды на поезде от своей постели. Его кровать, и разве эта мысль не была прекрасной? Он понял, что новизна временного жилья проходит довольно быстро.

Он свалился с эскалатора, едва не уткнувшись лицом в неумолимый бетон, прежде чем каким-то образом пришел в себя. Тем не менее, он сделал шаг в сторону, чтобы воспользоваться моментом и переориентировать свое чувство равновесия, прежде чем снова отправиться в путь.

Едва избежать столкновений со всеми людьми, спешащими на платформу или блуждающими по платформе, было само по себе чудом, но Акселю удалось добраться до одного из билетных автоматов без особых проблем. Перебирая варианты так быстро, как он мог, он нашел тот вариант, который ему был нужен, и совершил покупку. А потом чуть не оставил его в машине: к счастью, человек позади него был более осведомлен и понял его ошибку. Разумно уверенный, что у него есть все, что ему нужно, Аксель, наконец, ушел, чтобы найти место, где можно было бы дождаться прибытия своего поезда.

Только когда он услышал, как интерком сделал еще одно объявление, он понял, что снова отключился. Что еще более тревожно, он подлетел в опасной близости к краю платформы, пока отвлекался.

По станции пронесся поезд, отбрасывая его короткие волосы с лица и наполняя бетонный зал симфонией свистящего ветра и пения железнодорожных путей.

Он сделал огромный шаг назад.

Хорошо, что он не был за рулем, так как, по всей вероятности, его убьет собственное рассеянное внимание. Отойдя еще дальше от края, Аксель прислонился спиной к краю эскалатора. Там были скамейки, но он решил их избегать, опасаясь, что не сможет снова встать, если сядет.

Аксель подавил очередной зевок и снова открыл глаза, когда понял, что в какой-то момент они закрылись. Он сверился со своими наручными часами, опасаясь, что, возможно, опоздал на поезд и ему придется ждать еще изнурительные четверть часа или около того, прежде чем начать последний этап своего путешествия. Еще одни изнурительные четверть часа или около того плюс поезд перед великолепным сном без стресса. Но нет, к счастью, его промах продлился всего две минуты.

С другой стороны платформы промчался поезд, остановившись, чтобы высадить пассажиров. Это был не тот, кого ждал Аксель.

И еще один, но именно этот он хотел. Он справился с минимальными проблемами — его сумка снова зацепилась, на этот раз в промежутке между поездом и платформой. Из других новостей, он чувствовал себя немного менее уставшим. Адреналин делает свое дело.

— Ты что, пытаешься меня убить?! Аксель зашипел на свой багаж после того, как занял свободное место. Один из других пассажиров чему-то тихонько хихикнул, и ему внезапно напомнили, что здесь и сейчас, когда он вернулся в Мюнхен, другие люди смогут понять его, когда он ворчит себе под нос по-немецки.

Впрочем, на самом деле это не имело значения, так как на самом деле не было большой разницы между странными взглядами из-за того, что было сказано, и странными взглядами из-за языка, на котором это было сказано. Важно было то, что у него оставалось почти полчаса до остановки. И это означало одно — время сна. Может, еще немного отдохнув, он перестанет обвинять неодушевленные предметы в покушении на убийство.

Он вытащил свой телефон, поставил пять или шесть будильников, сел с рюкзаком, и не спал всего, может быть, две секунды, прежде чем отключился.

Аксель спал как убитый, а когда сработали его будильники, он определенно почувствовал себя мертвым.

Он думал, что дневной сон должен помочь при истощении. Увидев свое отражение в одном из окон поезда, он скривился. Действительно "ходячий труп".

После нерешительной попытки собрать свое лицо воедино, ему пришлось назвать это безнадежным делом. Из великой предусмотрительности он не взял с собой расческу, чтобы расчесать свои короткие волосы, которые каким-то образом еще больше спутались во время сна. И, конечно, он ничего не мог поделать со своим неряшливым лицом; даже если бы у него была бритва, его рука так дрожала, что он скорее перерезал бы себе горло, чем успешно побрился.

Несколько минут спустя, и это была, наконец, его остановка. Он ушел вместе с несколькими другими и глубоко вздохнул.

Было хорошо вернуться. Он улыбнулся и в n-ый раз за столько минут широко зевнул.

Остаток пути он прошел пешком, так как вполне вероятно — почти гарантировано — что если он снова сядет, то не встанет, по крайней мере, несколько часов. Кроме того, его звали мощные улицы Мюнхена, и если несколько таких звонков чуть не привели его на полосу встречного движения, что ж... Ему просто нужно простить и забыть.

И вот, наконец, он вернулся: стоит перед своим маленьким многоквартирным домом, идет к входной двери, отпирает ее и пробирается плечом, видя знакомую мебель, плакаты, книги и

даже сомнительное красноватое пятно на кремнево-сером ковре (оно было там с тех пор, как он переехал). Все было таким приятным зрелищем: даже пятно, хотя Аксель поставил на него свой багаж, чтобы скрыть его.

Со счастливой (хотя и сонной) улыбкой окинув знакомые виды своей пустой квартиры, он сел на землю, прислонившись спиной к кровати. Это было удобнее, чем можно было ожидать.

Он вытащил из кармана телефон и выключил авиарежим. Через мгновение устройство загудело, обновив все сообщения, которые он пропустил во время полета: два от его родителей, пару от друзей, желающих встретиться сейчас, когда он вернется в город, и одиннадцать от его младшей сестры. Примерно этого он и ожидал.

Откликнувшись на несколько коротких сообщений друзьям, обещавшим выпивку и рассказы, а затем одно сообщение своим родителям о том, что он благополучно добрался до дома, он устроился на полу поудобнее. Остался один человек. Имя его сестры сияло перед ним с экрана телефона, и он не мог не улыбнуться. Честно говоря, Адриана иногда могла быть такой дурой.

Нужен ли ему был кто-то, кто время от времени присылал сообщения с отсчетом времени до его возвращения в Германию? Нет.

Это не значит, что он не ценил этого.

Он звонил, но она, должно быть, была в классе, так как звонок попал прямо на ее автоответчик.

«И теперь мы, наконец, достигли «нуля», — сказал он, заканчивая за нее обратный отсчет. Острые грани немецких слов были более размытыми, чем обычно, из-за его усталости после смены часовых поясов. — Похоже, я вернулся целым и невредимым, Адри. Полет был кошмарным, хотя я даже не выспался, но подробнее расскажу позже. Хочешь пообедать? Ты можешь рассказать мне, как проходит твой первый год. Ты проучилась в универе целый семестр, верно? У вас уже должно быть несколько историй; мы можем сделать сделку! В любом случае, мне нужно немного поспать, так что... Надеюсь, увидимся завтра!»

Какое-то время он просто сидел, глядя в потолок с легкой ухмылкой. Его собственный первый год казался давным-давно... и ничего себе, когда он так выразился, он чувствовал себя старым — ему едва исполнилось двадцать, бросьте! Недостаточно взрослый, чтобы с ностальгией вспоминать «золотой век» своих университетских дней. Конечно, все остальные были, в то время как минимум на пять лет старше его, но он все еще дружил с другими членами своего старого клуба: средневековой группы отдыха под названием «Общество творческого анахронизма», или сокращенно SCA. Он присоединился, чтобы найти выход для своего интереса к кузнечному делу, поскольку то, что он специализировался в металлургии и инженерии материалов, не означало, что у него был веский повод ковать мечи и прочее.

К тому же, несмотря на то, что он окончил университет и пошел разными путями на работу, его друзья, и он все пытались планировать свое время отпуска в соответствии с более крупными событиями, чтобы они могли отправиться в группу. И они все еще время от времени приставали к нему, чтобы он сделал доспехи или оружие или просто помог им с их средневековыми персонажами или...

Аксель понял, что он, должно быть, заснул в какой-то момент во время своих воспоминаний, когда проснулся в темноте и с пустым желудком. Следующим его осознанием было то, что у него определенно не было еды в холодильнике. Или кладовой. И он был почти уверен, что съел все свои полетные закуски. Затем он понял, как неудобно было спать, прислонившись к

каркасу кровати, а не на нем самом. Пока он планировал перебраться на матрас, прежде чем вырубится, в его мозгу явно были другие идеи.

«*зевок*...»

Подтолкнув свое сопротивляющееся тело в вертикальное положение и вытянув самые тяжелые мышцы, Аксель заставил себя вернуться к двери. По дороге он обязательно прихватил свой рюкзак — он оставил в нем бумажник и слишком устал, чтобы выуживать его. Боже, ему действительно нужно было что-нибудь поесть. К счастью, в квартале был магазин, который все еще должен быть открыт.

Достаточно хорошо на данный момент.

И он снова был на улице, свежий ночной воздух, возможно, чуть-чуть его разбудил. Выйдя на тротуар, глубоко вздохнув, Аксель начал свой неторопливый путь к магазину. Он ждал на пешеходном переходе, когда услышал...

Он повернулся на улицу и ослеп.

Аксель больше не уставал.

Адреналин делает свое дело.

Он мог видеть грузовик, даже водителя за рулем, сторбившегося на клаксоне и, вероятно, без сознания. Он произвел несколько расчетов в уме за доли секунды: вероятная масса, скорость, траектория, расстояние...

Вывод был только один, и он подумал, что, возможно, выругался вслух, но на самом деле не заметил, потому что, ну... ничего не поделаешь.

Он был мертв.

Мир Акселя знал сначала белое, потом красное, затем боль, и тьму.

=X=X=X=

А потом как-то снова белое.

Он моргнул, глядя в потолок — чистый и клинический, хотя лампа была странно устаревшая, — и он как-то собрался мыслями в достаточной мере, чтобы догадаться, что он каким-то образом попал в больницу. Оглядев простую комнату, он больше ничего не мог о сказать: она была очень белой, без украшений и в целом очень "больничной". Нет, подождите, там было какое-то украшение: прямо у изголовья, висел свиток восточного вида, что показалось ему странным. Но с другой стороны, он никогда раньше не был в больнице, так что не мог знать наверняка. Тихий стук в дверь немного напугал его.

— Ja? На мгновение никто не вошел, поэтому он добавил: «Sie können rein kommen».

Прошло еще мгновение, прежде чем дверь, наконец, распахнулась, впуская слегка смущенного пожилого азиатского джентльмена. Аксель обратил внимание на внешний вид пожилого человека — чистую профессиональную одежду (хотя и немного старомодную, а также отчетливо восточную) — и решил, что он выглядит вполне заслуживающим доверия.

А потом мужчина заговорил, и разум Акселя, возможно, отключился, несмотря на всю помощь,

которую он оказал.

Потому что он был ... Японцем!?

Его мысли остановились, он был уверен, что его наблюдение было правильным, но не понимал, как это вообще возможно. Хотя его мозг все еще пытался перейти на другой язык, он смог понять некоторые слова.

И под «некоторыми» он уловил что-то о том, что о «наконец-то проснулся» и «нашел» и «лес». Затем, поскольку предложение о том, что он "нашел лес", не имеет абсолютно никакого смысла, Аксель поправил свой перевод: Вероятно, что на самом деле речь шла о том, что он нашел именно ЕГО в лесу. Но он понял все последнее предложение, так что в целом посчитал его перевод успешным.

"Как вы себя чувствуете?"

Аксель прикинул: правая нога, как он запоздало заметил, подвешена в гипсе и потому, вероятно, сломана, ребра ныли от глубокой непрекращающейся боли, и повсюду ныли общие боли. С его неплохим, но все еще далеко не беглым знанием японского языка он, наконец, неуверенно ответил: «Лучше?»

По кривой ухмылке доктора было ясно, что его акцент был таким же ужасным, как он и думал. Он сказал что-то еще, что Аксель с трудом уловил. Что-то о его голове? Может быть, его ударили...

О, фантастика. Врач, видимо, подумал, что у него по какой-то причине поврежден мозг. Затем Аксель вспомнил, что в настоящее время он понятия не имеет, где находится, и на самом деле думал, что он был в своем родном городе, сбитый грузовиком, когда он, по-видимому, был в лесу на другом конце мира, и в данном случае сбитый... чем-то.

Каким то образом.

Хорошо, в этом случае, возможно, есть основания для этой идеи о повреждении мозга.

Когда в следующий раз доктор заговорил, Аксель был слишком рассеян, чтобы расшифровать хоть что-то из того, что было сказано, и в итоге просто безучастно смотрел в ответ. Доктор, проявив похвальное терпение, повторил не жалуясь. «Меня зовут Кимура Шуичи. А твое?»

Знакомство было достаточно простым и, конечно же, вполне по силам Акселю, несмотря на то, что он был сбит с толку. «Я...» И все же его мозг решил доказать, что он ошибается в своих силах, запинаясь, припоминая всю фразу, хотя и всего на мгновение. «Я Аксель Брандт».

От его внимания не ускользнуло, что лицо доктора Кимуры — Аксель был почти уверен, что это его фамилия, а значит, вдвойне уверен, что он только что представился задом наперед, — выражение лица доктора Кимуры стало почти комично недоверчивым, когда он закончил представляться. Конечно же, вскоре доктор испортил имя Акселя.

— Ак... — Доктор сделал паузу, обдумывая, прежде чем попытаться: — Акусэру Буранто?

Можно подумать, что было бы легче произнести что-то правильно, когда это только что было сказано вслух, но есть некоторые языковые причуды и акценты, которые, как правило, все портят. Это было то, что Аксель особенно заметил в людях, с которыми он работал в Токио — «X» и «L», как правило, были проблемой для японцев, а это означало, что его имя всегда было

трудным для них, — поэтому он просто повторил свое произношение немного медленнее. «Аксель Брандт».

На этот раз доктор Кимура только покачал головой, решив пока не предпринимать еще одну попытку. Однако он сказал что-то о странных именах: Аксель не думал, что у него достаточно языковых навыков, чтобы спорить с этим. Доктор сделал еще несколько врачебных действий, обычно осматривая его, прежде чем прописать постельный режим и уйти, чтобы проверить других пациентов.

Аксель уставился в потолок, наконец, в одиночестве и выспавшимся, и таким образом (предположительно) смог понять, что произошло. Он, спотыкаясь, спросил доктора о нескольких вещах: результаты скорее сбили с толку, чем прояснили. Очевидно, один из проходивших мимо жителей деревни нашел его без сознания и истекающим кровью в нескольких минутах ходьбы от деревни в окружающем лесу, и на этом все. Акселю показалось немного странным, что доктору Кимуре не показалось слишком странным встретить тяжелораненых людей, лежащих где-то в лесу, но кто знает. Может быть, здешний лес по какой-то причине особенно опасен.

Тем не менее, это не меняет того факта, что он каким-то образом вернулся в Японию раненым, без багажа, кроме рюкзака и того, что в нем было. Он знал, почему он был ранен (он не собирался просто так забывать свою предсмертную встречу), и отсутствие багажа было довольно легко смириться, но пропустить путешествие через полмира было совсем другое дело.

«Gott im Himmel... Bin ich verrückt?» Аксель застонал про себя. Что ж, возможно, безумие было вполне подходящим объяснением.

=X=X=X=

Пациент в другой комнате, должно быть, был сумасшедшим.

Нет, забудьте это. Все обстоятельства вокруг были сумасшедшими, кроме самого человека.

Еще до того, как он проснулся, все выглядело странно. Моримото Кичиро, мальчик кузнеца, нашел его истекающим кровью в лесу, в нескольких минутах от города, на поляне у дороги. По его травмам — сломанной правой ногой, ушибленным ребрам, множеству нормальных синяков практически везде, порезам, а может быть, и легкому сотрясению мозга — можно было догадаться, что что-то с какой-то силой врезалось в него и, скорее всего, отбросило его в сторону. Теперь Кимура Шуичи сам не был сильным шиноби, изучив исключительно медицинские ниндзюцу и буквально ничего больше, прежде чем уйти в отставку, чтобы управлять семейной клиникой, но единственное, что он мог придумать, что могло нанести такой ущерб, было ниндзюцу. . Но тогда... окружающая земля была совершенно нетронута. Черт, по словам Кичиро-куна, даже тонкий слой инея не сломался до того, как он растоптал его, когда пошел на помощь.

Итак, мужчина был найден с тяжелыми ранениями без каких-либо признаков того, как это произошло.

А потом он проснулся, и все стало как-то еще безумнее.

Шуичи надеялся, что сможет получить от него ответы, как только проснется, но это явно не вариант. По крайней мере, ненадолго. Его речь была настолько грубой и окрашенной... чем-то, что доктор едва мог его понять. В конце концов, все, что он узнал, это его имя. Не то, чтобы он

даже мог это произнести.

Не то чтобы его раздражало, что его пациент, наконец, проснулся и находится на пути к полному выздоровлению, но, честно говоря...

Он стукнулся головой о бумаги на столе, разбросав несколько по краю, и раздраженно вздохнул. Взглянув одним глазом, он увидел тщетные попытки записать имя пациента вверху бланка. Это был отчет, который он составлял, как и следовало делать для любого подозрительного лица, которого нельзя было объяснить, но он не знал, что написать о нем. Таким образом, он оставил большую часть поля пустым, за исключением двух вещей: имени и возраста.

В частности, имя пациента было чем-то вроде «Акусэру Буранто» (но как-то резче), и ему (вероятно) было около 20 лет.

Вот и все. Это все, что знал Шуичи.

Часть его разума ворчала, что он стал слишком стар, чтобы иметь дело с такими вещами.

В этот момент он даже не придал значения тому факту, что его пациент должен быть мертв. Он должен был быть мертв с тех пор, как его впервые привезли сюда. Он был мертв даже сейчас, технически... но нет. Было легко увидеть, что он все еще дышал, что его сердце все еще билось — он был жив — несмотря на один вопиющий момент, который должен был сделать это невозможным: у него не было системы чакры.

Что, теперь, когда он подумал об этом, вероятно, объяснило, почему ему было так трудно стабилизировать его; попытка использовать то медицинское дзюцу, которое он все еще мог выполнять, было похоже на попытку сохранить воду в сите: чакра, которую он вложил в технику, просто вытекла, прежде чем что-либо сделать. Хотя это не совсем точно, так как он смог изменить ситуацию к лучшему для сломанных костей, передав больше исцеляющей чакры, чем нужно, и напрямую заставив ее оставаться на месте с каждой унцией контроля, который у него был. И даже тогда это была медленная, энергозатратная, изнурительная работа, которая и близко не помогла так много, как он надеялся. Хотя все это не по делу.

Дело в том, что у его пациента нет чакры.

У него абсолютно нет чакры.

Но он только что проснулся в другой комнате, дальше по коридору, значит, Шуичи, должно быть, ошибся. Потому что, если это не было ошибкой, мужчина в другой комнате, дальше по коридору, должен быть мертв, а он явно не мертв.

— Я становлюсь слишком старым для этого, — повторил он, но на этот раз вслух и что-то пробормотал в своих бумагах. Решив, что он, должно быть, ошибся, поскольку альтернатива была буквально невозможна, он нацарапал, что пациент был гражданским лицом. Едва существующая система чакр (а система чакр должна быть, сказал он себе) не могла означать ничего другого.

В его дверь внезапно раздался громкий стук: всего один раз и очень сильно. С еще одним вздохом, хотя на этот раз скорее с нежной досадой, чем просто с раздражением, Шуичи позвал: — Кичиро-кун, пожалуйста. Хотя стучаться — это вежливо, но если бы вы могли не мять мою дверь каждый раз, когда заходите, я был бы признателен».

— Простите, Кимура-сенсей. Я буду иметь это в виду». Дверь скользнула в сторону, открывая именно того, кого он ожидал увидеть, хотя выглядел он немного грязнее, чем обычно. Моримото Китиро был довольно высоким для 15-летнего подростка, и сейчас большая часть его тела была покрыта тонким слоем сажи из кузницы его отца. Даже его почти черные волосы были на несколько оттенков темнее, чем должны быть.

— Тем не менее, учитывая, что ты еще не остановился, я сомневаюсь, что ты остановишься сейчас. Доктор сердито провел рукой по его седеющим волосам, но его сморщенная улыбка говорила об обратном. — Хотя обычно ты пытаешься привести себя в порядок перед тем, как спешить.

По крайней мере, у подростка хватило приличия выглядеть немного огорченным этим, хотя и ненадолго. — Извини, я просто... Это правда, что он проснулся?

Шуичи кивнул. — По-моему, он в сознании уже почти два часа.

Наступила пауза, пока Кичиро-кун ждал, что он скажет что-то еще, выжидая, но его терпение быстро иссякло. "Хорошо? Что с ними случилось?"

«Это «с ним». И, честно говоря...» В сотый раз он мысленно пробежался по своему краткому общению с пациентом. "Понятия не имею."

— Разве ты не спросил его? Ты ведь должен был узнать имя этого парня, верно?

При этом доктор усмехнулся, оценив и иронию, и все более расстроенное выражение лица мальчика. — Да, я спросил.

— Ой, Кимура-сенсей! Расскажи мне!"

— Его зовут... — и, конечно, он знал, что скажет неправильно, — Акусэру Буранто.

Мгновение. — Аку-что-сейчас?

"Я знаю. Когда он впервые проснулся, он нес какую-то бессвязную чепуху. Я подозреваю, что он попал в какое-то гендзюцу. Несмотря на то, что у мужчины были травмы головы, ничто не указывало на такую потерю языковых навыков. — К счастью, он все еще помнит что-то, когда дело доходит до речи, даже если его речь ужасно неестественна, а то, как он произносит слова... — Шуичи растерянно покачал головой. «Человек большую часть времени не имел никакого смысла».

Кичиро-кун плюхнулся на другой стул в комнате, выглядя невероятно разочарованным. «Блин, чувак. Я надеялся вытянуть из него несколько крутых историй».

В голову пришла идея, и выражение лица доктора стало слегка интригующим. — Что ж, если вы так заинтересованы в том, чтобы Акусэру-сан заговорил, то, возможно, можно что-то устроить.

Подросток задумался, явно улавливая тон старшего мужчины.

— Значит, уроки речи? Это сработает, — лукаво продолжил Шуичи. «Практика поддержания беседы должна помочь моему пациенту преодолеть его странное препятствие: какое фантастическое предложение, Кичиро-кун! Мы составим для вас расписание, чтобы...

— Подожди, расписание?

"Конечно! Полагаю, вам нужно будет приходить раз в день, чтобы гарантировать прогресс.

— Раз в день, — про себя повторил мальчик. Он был совершенно ошеломлен этим моментом. — Я не... я не могу... то есть раз в день?! Я уже помогаю папе в кузнице, как ты думаешь, сколько у меня свободного времени?»

Врач поправил: «Да ладно: «Вы думаете, что у меня есть». И я думаю, что если у тебя есть достаточно времени, чтобы заходить и приставать ко мне через день, то ты мог бы помогать время от времени».

При этом не было никаких возражений, только вздох, звучащий как поражение. "В порядке отлично ."

"Фантастика!" Шуичи хлопнул в ладоши, придавая договоренности ощущение завершенности. — Пойдем, пойдем познакомим тебя с ним.

"Ты имеешь в виду сейчас? Как сейчас?"

Конечно, возможно, ему слишком нравилось приставать к подростку, но не завидуй старику в его развлечениях. Обойдя свой стол, он провел младшего мальчика за дверь и по коридору. "Почему бы нет?"

Прежде чем дать какой-либо ответ, он постучал в дверь палаты своего пациента. С другой стороны послышалось: «Ja, bitte— Uh, ich meine... Пожалуйста, входите».

Доктор толкнул дверь, не обращая внимания на недоверчивый взгляд Кичиро-куна: это не его вина, что мальчик подумал, что преувеличивает. Акусеру-сан сидел, по крайней мере, настолько, насколько он был в состоянии справиться самостоятельно, и он одарил их вежливой, слегка смущенной улыбкой, когда они вошли.

— Надеюсь, все еще в порядке, Акусеру-сан?

"Да." Мужчина на мгновение замолчал, явно обдумывая, что сказать дальше. "Сожалею. Я неправильно назвал свое имя. Это Брандт Аксель.

Выражение лица Кичиро-куна стало более недоверчивым ко второму, и даже Шуичи, который начал подозревать, что сумасшествию нет предела, был немного сбит с толку этим именем.

— Тогда я должен извиниться за свою грубость, Буранто-сан.

Наступила еще одна пауза, пока пациент переваривал его слова и, хотя доктор этого не знал, изо всех сил старался перевести. — Nein, es ist... — Он сделал паузу, выражение его лица стало недовольным, и попытался снова. "Без проблем. Можешь звать меня Аксель, пожалуйста. Кто это?"

«Я Моримото Кичиро», — ответил подросток, поскольку он явно был новым лицом. — Приятно познакомиться, Аку... Акус... Блин!... Эм, не могли бы вы повторить свое имя?

«Аксель».

Немного подумав, Кичиро-кун попытался произнести странное имя. — Аксер-сан?

“Быстро восстанавливается!” Судя по ухмылке мужчины, замечание было чем-то положительным, что быстро подтвердилось, когда он добавил: «... э-э, достаточно близко!»

Кичиро-кун выглядел так, будто снова обдумывал имя, прежде чем потребовать: «Повтори еще раз, чувак!»

— Э-э, Аксель?..

— Аксер, — повторил подросток. «Ак-ксер. Акс-ур. Блин, как ты это делаешь? Я знаю, что ошибаюсь, но я просто не могу этого понять!»

Несколько виновато улыбаясь, Буранто-сан (Шуичи решил, что он будет использовать фамилию этого человека, отчасти из-за условности, но в основном потому, что ее было бы легче произнести, чем другое имя) просто пожал плечами и ничего не сказал. Он явно не знал, как помочь на этом фронте, вероятно, ему не хватало слов, чтобы попытаться объяснить дальше.

Шуичи, однако, воспользовался этой паузой в разговоре, чтобы сказать: «У тебя будет достаточно времени, чтобы понять, как произнести его имя, поскольку ты будешь помогать Буранто-сану восстановить его разговорные навыки».

«Я собираюсь часто его навещать, чтобы ты больше практиковался в разговоре!» — уточнил Кичиро-кун, заметив растерянное выражение лица блондина. Он проигнорировал попытку Шуичи исправить свою грамматику и просто продолжил говорить. «Я имею в виду, что, вероятно, придется много работать, но, по крайней мере, это будет интересно, верно?»

Акселю потребовалось некоторое время, чтобы понять предложение, и часы скуки между частыми визитами подростка, чтобы уловить это чувство, но через несколько недель он полностью согласился. К тому моменту, однако, речь уже не шла об уроках или языковой практике. Нет, к тому времени это будет касаться буквально всего остального.

Потому что на самом деле адаптация к новому языку незначительна по сравнению с адаптацией к новому миру.

По крайней мере, это будет интересно, правда?

Переводчик в первый раз что-то переводит, поэтому ему нужна критика, но в вежливой форме. Если где-то есть ошибки, или нечитабельный текст, но смело говорите об этом

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/83135/2669551>